

УДК 800

Н.А. Мишанкина

### МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАК МАРКЕР ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

*Анализируются процессы метафорического моделирования и взаимодействия дискурсивных практик в пространстве лингвистического научного текста. Смена метафорической модели рассматривается как маркер интертекстуальности.*

Сфера научной деятельности, как особая сфера жизни человеческого духа, всегда осознавалась людьми в качестве специфической области, от которой напрямую зависит успешность развития человеческого социума. В связи с этим сфера науки в целом и научный текст как неотъемлемый компонент научной деятельности активно вовлекались в сферу пристального внимания ученых.

Метанаучная рефлексия лежит в основе современной философии, методологии отдельных научных областей. В сферу внимания лингвистики естественным образом попадает научный текст, который традиционно исследовался в рамках функциональной стилистики, где были описаны основные качества и структурные и функциональные свойства такого типа текстов, определены параметры научного стиля. Затем начинается активное изучение других аспектов научного текста и стиля: история развития (С.О. Глушакова, М.Н. Кожина), сопоставительный аспект (О.Б. Сиротинина, М.Н. Кожина), жанровая типология (Е.С. Троянская), проблемы экспрессивности (Н.Я. Милованова, Н.М. Разинкина) и коммуникативной организации научного текста (М.Н. Кожина, Н.А. Красавцева и др.). Все источники выделяют такие языковые особенности научного стиля, как точность, логичность, абстрактность, обобщенность, нейтральность, объективность, «а также сфокусированная коммуникативная направленность на адресата, т. е. диалогичность изложения» [1. С. 22]. Как правило, все исследователи отмечают присущие текстам данного типа сниженную экспрессивность и принципиальную установку на отсутствие образности. При этом акцентируется внимание на том, что эта языковая специфичность достигается использованием «однозначных выражений, терминов, слов с ясной лексико-семантической сочетаемостью». А.Д. Плисецкая отмечает, что в рамках функциональной стилистики полисемия в научном стиле рассматривалась прежде всего в связи с образованием терминов, т.к. иное использование предполагает снижение семантической однозначности текста [2].

Но в последнее время появляется все больше и больше работ, посвященных когнитивным аспектам представления информации и рассматривающих научный текст как особый вид дискурса (М.П. Котюрова, Е.А. Баженова, В.Е. Чернявская, Е.Г. Задворная), как поле метафорической деятельности

(Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, А.Е. Седов, З.И. Резанова, И.А. Шмерлина и др.). Когнитивный подход позволил взглянуть на метафору не только как на средство придания экспрессивности, выразительности тексту, средство характеристики и оценки, но и как на механизм гносеологический, позволяющий задать понимание нового знания посредством аналогии – опоры на имеющийся опыт. И когнитивные модели, например концептуальные метафоры, способны задавать целостные парадигмы осмысления и представления нового знания.

С этой же точки зрения смена парадигм в лингвистике рассматривается как смена метафорических моделей в работе Ю.С. Степанова [3]. Автор анализирует изменчивый образ языка через призму метафор, организующих лингвистический дискурс в его историческом развитии. Для описания работы метафорической модели при создании ментального пространства А.Е. Седов предлагает в качестве аналогии модель из теории информации: «Метафору можно рассматривать как своеобразный "концентрат" информации, как новый информационный вход в данную когнитивную модель из других... Новая метафора – это редкое, неожиданное сочетание слов и смыслов. Если она удачна, то в описании увеличивается количество информации [4. С. 527]. В работе данного исследователя рассматриваются метафорические модели генетики в динамическом аспекте. Е.Г. Задворная, обращаясь к эпистемике философского постмодернистского дискурса, отмечает: «Так, для постмодерна характерно активное (если не сказать лавинообразное) порождение собственно исследовательских, терминологических, метафор, ср. очевидно метафорическую природу таких значимых для постмодерна концептов...» [5]. Активно изучается метафорическое моделирование в текстах медицинских, социологических, философских.

Почему же именно метафорическое моделирование попадает в центр внимания исследователей столь разных областей? В современной литературе по когнитивистике и когнитивной лингвистике описываются разнообразные типы когнитивных моделей: фрейм, кинестетическая образ-схема, концептуальная метафора, ментальная модель, когнитивная область, идеализированная когнитивная модель, ментальное пространство и др. Изучение работ, написанных в этом направлении (Дж. Лакофф и М. Джонсон, У.Л. Чейф, В.В. Петров, Т.А. Скребцова, А. Ченки и др.), собственные наблюдения позволяют сделать вывод, что ключевой базовой моделью гносеологического уровня выступает концептуальная метафора. Данное понятие вводят в научный оборот Дж. Лакофф и М. Джонсон. В самом общем виде оно может быть определено как устойчивые структуры когнитивной системы человека, основанные на механизме метафоризации — переносе структур одной понятийной области в другую понятийную область. В языке концептуальная метафора может получить выражение в базовых языковых метафорических переносах и даже в грамматических структурах. При этом репрезентантами концептуальной метафоры могут выступать различные лексические единицы, относящиеся к одной понятийной области<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См. языковые репрезентанты концептуальной метафоры ARGUMENT IS WAR [6. С. 26].

Можно говорить о том, что именно метафорический концепт привлекается для представления и понимания нового знания, его адаптации к целостной системе мировидения. Метафора основывается на более простых моделях, объединяя в себе фреймовые структуры<sup>1</sup>, кинестетические образ-схемы, гештальты. С другой стороны, именно метафора выступает основой для создания нового целостного ментального пространства<sup>2</sup>, представляющего целостную модель фрагмента действительности, а затем и выстраивающего некоторую картину мира, включающую не только декларативные модели, но и процедурные (сценарные фреймы).

Вторая половина XX в. в развитии гуманитарных наук характеризуется тем, что кардинальным образом изменяется взгляд на текст, который перестает рассматриваться как отдельное произведение монологического характера и представляется своего рода компонентом целостной системы, репрезентирующей определенную область социальной жизни. Речь в данном случае идет о понятии дискурса, понятии неоднозначном и многоаспектном.

Появление в лингвистике нового дискурсивного подхода, ориентированного на дифференциацию сфер использования и функциональных подсистем языка М.Л. Макаров связывает с общей сменой гуманитарной парадигмы [9. С. 16]. По мнению исследователя, механистическая метафора, лежащая в основе прежнего гуманитарного миропонимания, сменяется дискурсивной, связанной с внутренней динамикой объекта, его способностью изменяться в процессе функционирования.

Понятие дискурса активно входит в научный оборот в 1960–70-е гг., актуализируясь в работах М. Фуко, хотя первое появление термина относят к работам Э. Беневиста (середина 1950-х гг.), где он употреблялся в значении временной актуализации речи. В настоящее время можно говорить о том, что понятие дискурса стало общегуманитарным, получив научное распространение и необычайную популярность в различных сферах, связанных с изучением функционирования языка. Следствием столь широкой популярности стала его семантическая размытость и многозначность. Однако при всем многообразии определений можно говорить о двух магистральных направлениях в подходах к пониманию дискурса.

Первый из них представлен в работах М. Фуко: «Мы будем называть дискурсом группу утверждений постольку, поскольку они относятся к одной и той же дискурсивной формации [... Дискурс] строится на основе ограниченного количества утверждений, по отношению к которым может быть определена группа условий их существования. В этом смысле дискурс – не идеальная, безвременная форма [...] – это фрагмент истории [...], ставящий свои собственные ограничения, предлагающий деления и трансформации, специфические способы выражения своей принадлежности к определенному времени» [10. С. 31]. Этот подход положил начало ряду работ, в которых дискурс понимается как целостная формация текстов, связанных с опреде-

---

<sup>1</sup> Описание механизма метафоризации на уровне фреймовых структур см. в работе З.И. Резановой [7. С. 20].

<sup>2</sup> Как его понимает Ж. Фоконье [8. С. 138].

ленным социально-коммуникативным пространством и существующим в определенный временной период.

Такому пониманию противоположна точка зрения на дискурс как на коммуникативный акт в процессе его протекания и во всей совокупности его параметров и условий. Этот подход представлен в известном определении Н.Д. Арутюновой: дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [11. С. 136–137]. Данный подход также имеет широкое распространение и активно разрабатывается в исследованиях российских и зарубежных ученых. Именно в рамках такого понимания дискурс часто рассматривается именно как устная речь, включенная в коммуникативную ситуацию. Но с точки зрения Е.С. Кубряковой, при существующих в настоящее время средствах коммуникации границы между устной и письменной речью размываются и прежние жесткие критерии их разграничения снимаются, поэтому дискурс может рассматриваться как любая речь в момент ее непосредственной реализации [12. С. 527].

С одной стороны, приведенные точки зрения противоположны друг другу именно по параметру «результативности»: в рамках первого подхода рассматривается некоторый результат коммуникации, в то время как второй внимание сосредоточивает на процессуальном аспекте. Но в этой противопоставленности можно говорить и о некотором едином основании, обратившись к которому, мы увидим, что эти подходы не противоречат, а органически дополняют друг друга. Мы находим подтверждение этому в работах, ориентированных на прикладные дискурсивные исследования, работах, проводимых в русле так называемого социального конструктивизма и критического дискурс-анализа [13]. Методики, представленные в этих исследованиях и направленные на анализ дискурса как текстовой формации, представляющей социальную область, неизбежно включают анализ принятых в данной области коммуникативных ситуаций и особенностей как текстовой репрезентации, так и социальных, культурологических, психологических аспектов протекания коммуникации. Поэтому мы полагаем, что вполне уместным будет расширение спектра значений рассматриваемого понятия.

В ряде работ, посвященных социологическим аспектам дискурс-анализа, в смысловом поле этого термина актуализируется еще один немаловажный компонент, связанный с вариативностью дискурсивных картин мира: дискурс – это «особый способ общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира)» [13. С. 15]. Такое понимание актуализирует моделирующую роль дискурса, которая постулируется и в рамках критического дискурс-анализа, и в работах современных российских лингвистов: «За каждым типом дискурса проступает свой «возможный мир», действия и объекты в котором оцениваются и осмысливаются по логике этого (воображаемого и, в общем, конструируемого человеком) мира» [12. С. 529]. Дискурс, с этой точки зрения, представляет собой важную область социальной практики, «созидание социального мира и культуры» [13. С. 100]. Дискурс является одно-

временно созидательным и созидаемым: «Формирование общества с помощью дискурса происходит отнюдь не благодаря тому, что люди свободно играют с идеями. Оно является следствием их социальной практики, которая глубоко внедрена в их жизнь и сориентирована на реальные, материальные социальные структуры [13. С. 102]. Таким образом, рассмотренные нами подходы к дискурсу можно представить как некоторую триаду: «целостный коммуникативный акт – формация текстов, как результат однотипных коммуникативных актов – тип миропонимания, выражаемый в текстах (или дискурсивная картина мира)».

Несмотря на огромное количество исследований в этой области, трудно утверждать, что существует единая и целостная теория дискурса [12. С. 524]. Но при этом в современных исследованиях дискурса выявляются и описываются ключевые дискурсивные параметры – некоторые универсальные признаки, характеризующие различные виды дискурсов. Одним из таких ключевых дискурсивных параметров является понятие «интертекстуальность» — условие, посредством которого все коммуникативные события основываются на событиях, произошедших ранее. Дискурс как целостная система формируется именно за счет этого параметра и представляет собой систему текстов и ситуаций, связанных сетью интертекстуальных связей. Это свойство дискурса, с нашей точки зрения, является одним из наиболее значимых для выделения целостных дискурсивных областей, если рассматривать их как интертекстуальные образования, где последующие тексты выстраиваются на четко ограниченной базе предыдущих, повторяя как целостные высказывания (коммуникативные фрагменты), цитаты, так и стилистически уподобляясь предыдущим текстам. Думается, что с подобным пониманием дискурса тесно связано понимание общей модели мира как совокупности функциональных вариантов.

Именно это условие является ключевым для научного дискурса гуманитарной сферы, где оно представляется обязательным. Как отмечает Р.М. Фрумкина, «наука — это особый социальный институт, базирующийся, среди прочего, на принципе преемственности. Начинающий ученый исходит не только из уже накопленных в науке результатов. Кроме результатов, ему всегда предъявлен некоторый канон, предписывающий общепринятый способ перехода от "предзнания" к артикулированной постановке проблемы... Что касается *lettres*, наук гуманитарного цикла, такой канон тоже есть. Однако же он, как правило, остается без экспликации: там, где в *sciences* царит закон, в *lettres* преобладает обычай. Обычай этот чаще всего имеет вид явной или скрытой отсылки к той или иной традиции» [14. С. 30]. Такая точка зрения позволяет сделать предположение, что в рамках определенного дискурса принимается тот и или иной способ коммуникативного действия, являющийся внутридискурсивно нормативным. Такой способ действия в работе М. Фуко [10. С. 50–51] получает название «порядок дискурса». В нашем случае можно говорить о том, что критерий соответствия порядку научного дискурса – это обязательное наличие эксплицированных интертекстуальных связей в виде прямых и косвенных цитат, отсылок и комментариев. На это, в частности, указывают В.Е. Чернявская и другие исследователи научного дискурса. Но кроме эксплицитной интертекстуальности, можно говорить и

об имплицитной, заключающейся в использовании определенных видов моделей, характерных для той или иной дискурсивной практики.

Понятие дискурсивной практики связано с ситуацией выбора системы языковых средств для выражения определенных внутридискурсивных смыслов. Авторы социологической теории дискурса Лакло и Муфф [13] полагают, что внутри дискурса, равно как и внутри языковой системы, существует масса возможных способов взаимосвязи его элементов, масса возможных интерпретаций значения языковых единиц и дискурсивность проявляется в исключении альтернативных возможностей. Таким образом в рамках определенной дискурсивной практики происходит фиксация соотношений элементов, фиксация значений. Например, традиционный медицинский дискурс базируется на понимании тела как материального объекта и исключении информации об альтернативных методах лечения, в которых тело в большей степени рассматривается как некоторая энергетическая субстанция [13. С. 51]. Но при этом следует помнить, что элементы дискурса всегда сохраняют потенциальность. Данное свойство тесно связано с понятием полисемичности, и дискурс преобразует элементы, сокращая их полисемическое значение к фиксированному значению. Лакло и Муфф предлагают рассматривать закрепленный определенным порядком выбор как гегемонический, доминирующий дискурс, приравнивая его к идеологической установке, транслируемой в рамках дискурсивной практики [13].

Если мы посмотрим на научный дискурс с этой точки зрения, то можем увидеть, что это свойство характерно для него, причем здесь указание на исключение возможных вариантов понимания знака является обязательным условием порядка дискурса. Данное свойство проявляется как в требовании определения терминосистемы, так в мотивации отказа от альтернативных точек зрения. Роль гегемонического дискурса, определенной научной идеологии играет так называемая научная парадигма – система взглядов на объект изучения, позволяющая выстроить гносеологическую модель его представления, которая с точки зрения теории референтности зачастую представляет собой некоторую ментальную модель, систему ментальных конструкторов. Таким образом, в научном дискурсе именно парадигма, репрезентируемая в системе текстов определенными языковыми маркерами, может быть названа дискурсивной практикой [15. С. 39]. Смена дискурсивной практики в сфере научной деятельности в соответствии с порядком дискурса обязательно связана с приведением некоторого спектра парадигмальных установок – отвергаемых дискурсивных практик (и мотиваций отказа от них) и избираемых дискурсивных практик (и мотиваций их выбора) либо вновь создаваемых на базе избираемых.

А.Н. Баранов, рассматривая роль, которую играют в дискурсивных практиках единицы различных уровней языка, говорит о том, что в качестве маркера смены дискурсивной практики в политическом дискурсе может выступать ключевая метафорическая модель: «...применительно к сфере метафоры дискурсивная практика в точном смысле определяется как устойчиво воспроизводящаяся в дискурсе пара вида  $\langle M_i, D_{Mi} \rangle$ , где  $M_i$  – метафорическая модель (или ее репрезентант),  $D_{Mi}$  – типичные области осмысления в

рамках данной метафорической модели, принятые в исследуемом дискурсе» [15. С. 40].

Если мы обратимся к научному лингвистическому тексту как интертекстуальному образованию, в котором автор выстраивает новую дискурсивную практику, то убедимся, что аргументация, мотивация выбора той или иной модели связана с ее интерпретацией – разворачиванием в целостную метафорическую систему. Рассмотрим работу А.А. Потебни «Мысль и язык», в которой автор выстраивает новую модель понимания языка, основанную на концепции В. Гумбольдта. В качестве опровергаемых дискурсивных практик выступают парадигматические модели, представленные в теориях намеренного изобретения и божественного создания языка, в теории бессознательно-го происхождения языка, «построенной на сравнении языка с физиологическими отправлениями или даже с целыми организмами» [16. С. 23].

Дж. Лакофф и М. Джонсон в уже упоминавшейся выше работе [6] предлагают типологию концептуальных метафор, выделяя три основных типа: структурные, ориентационные и онтологические. В поверхностной структуре текста наиболее очевидными являются структурные метафоры, т.к. они позволяют увидеть проецирование структуры одной концептуальной области в другую, как правило не имеющую формального выражения. Эти метафоры реализуются в полисемии и целостных метафорических контекстах, спектр подобных метафор очень широк, он соотносим с количеством концептуальных пространств и подпространств и объектов. Именно эти метафоры чаще всего выступают в роли фигурных метафорических моделей (по терминологии А.Н. Баранова), задающих тип представления информации на основе выбора автора, а не под давлением категориальных моделей языка [15. С. 36]. Ориентационные метафоры имеют более универсальный характер, т.к. соотносятся в первую очередь с телом человека и его ориентацией в физическом пространстве. Наиболее глубокие слои концептуализации связываются с онтологическими метафорами, спектр которых ограничен. Именно онтологические метафоры задают фундаментальные категории языкового осмысления действительности и поэтому труднее всего рефлексироваться носителями языка, т.к. часто получают выражение посредством грамматической формализации. В качестве примера авторы приводят наиболее распространенные в европейской культуре модели объект, вещество, вместилище, персона, которые выступают базой для осмысления множества областей, так, время в целом ряде языков осмысливается как объект, обладающий определенными признаками: формой, способностью к движению и др. Такой тип метафорических моделей А.Н. Баранов относит к фоновым моделям – некоторым родовым пространствам, на основе которых может быть реализована структурная модель [15. С. 36]. В тексте в качестве основной фоновой метафоры выступает метафора объекта, вместилища, персонификация, метафора связи. Но на их фоне по-разному разворачиваются структурные парадигмальные модели.

Показателями интертекстуальности для нас являются два параметра: во-первых, интертекстуальность реализуется на формальном уровне в тексте как прямая цитация, во-вторых, как косвенная – развитие цитируемой мысли в авторском комментарии. Анализ текста показывает, что чаще всего в каче-

стве привлекаемой в текст цитаты используется контекст, включающий метафорическую модель. Комментарии автора представляют собой интерпретацию этой модели, экспликацию всех (или необходимых) автору смыслов.

Для определения доминантности той или иной модели мы обращаемся к критериям, приведенным в работе А.Н. Баранова [15. С. 40], в частности к параметру частотности ее употребления. Анализ фрагментов текста, связанных с описанием названных выше теорий, показывает, что наиболее частотной в рамках теории намеренного изобретения языка выступает метафора «язык – пассивный объект» (19 метафор из 65), на который оказывает активное влияние персонифицированный субъект: человек или его атрибуты (разум, мысль, воля): «*Все в нем (языке) как-то случайно*, так что, например, *разделение его* на наречия не есть следствие в нем самом сокрытых условий жизни, а *дело внешних обстоятельств*, вроде татарского погрома» [16. С. 18]. Практически во всех метафорических контекстах язык представлен как объект и при этом объект пассивный, семантика пассивности может быть выражена посредством грамматики.

При этом язык как объект может быть вместилищем, внутренним пространством, в котором господствует его собственная стихия, нуждающаяся в управлении. В качестве управляющего языком субъекта может выступать даже часть самого языка – грамматика: «Цель грамматики, говорит Мерзляков, – *оградить язык* от чуждого влияния, т. е. *сохранить его* чистоту и характер, *определить каждого слова собственность*, *доставить каждому надлежащие границы* значения, т. е. *даровать ему точность и определенность...*» [16. С. 17]. Комментарии А.А. Потебни разворачивают имплицитные смыслы приведенных метафор: «С подобными убеждениями в господстве произвола над языком странно сталкивались мнения о необходимости и важности слова» [16. С. 19].

Доминирующей по частотности в рамках теории божественного создания языка выступает метафора «язык – действующий субъект» (10 из 38), а человек, его носитель, представляется как вместилище. Язык может быть представлен и как объект, но объект безмерно более сложный, чем его вместилище – человек: «...*в языке есть много сторон*, о которых и не снилось человеческому произволу... сознательно направленные силы человека ничтожны в сравнении с задачами, которые *решаются языком...*» [16. С. 22].

В третьей теории – теории бессознательного происхождения языка – наиболее частотной является метафора «язык – живой организм», «язык – часть живого организма (часть тела человека)»: «Если признать язык *органическим отправлением*, которое, подобно другим, дано в человеческом организме вместе с единством духовной и телесной жизни... то вопрос о происхождении языка будет иметь только такой смысл: каким образом человек впервые пришел к совершению этого отправления?... В применении к языку это значит, что *способность говорить дается органами слова*, и вопрос только в том, что именно возбуждает эти органы к деятельности? Органы слова могут возбуждаться только духовною деятельностью, подобно остальным органам произвольного движения, и разница лишь в том, что последние вызываются к деятельности влиянием воли, а первые – мыслью, познавательною способностью» [16. С. 27]. Идея бессознательного происхождения



актуализируется в частотной метафорической модели «орган (организм) – персона, действующий субъект».

Используя данные модели в качестве опорных, автор разворачивает их, актуализирует смысловые компоненты исходной понятийной области, не эксплицированные в цитируемой метафоре, выявляя противоречия и трансформируя саму модель. Например, в теории намеренного изобретения языка сталкиваются модели «язык – пассивный объект» и «язык – вместилище мысли». А.А. Потебня задает вопрос: а в чем содержится активная мысль, которая необходима для изобретения языка, когда языка еще нет: «Таким образом, *законодательство, сообщающее языку все требуемые превосходные качества, возможно только тогда, когда язык сам приобрел их* и не нуждается в законодательстве» [16. С. 18]. В данном контексте мы видим, что автор трансформирует модель, изменяя роль языка: *пассивный объект* □ *действующий субъект*.

Опровергая метафорическую модель, представленную в теории божественного происхождения языка, автор опирается, во-первых, на дихотомию «Бог (дар Бога – язык) совершенен – человек несовершенен» и, далее, на взаимосвязанную цепочку компонентов «активность – прогресс», говоря о том, что если тот язык, который существует сейчас, несовершенен по сравнению с изначально данным, то можно говорить о его деградации: «История языка должна быть историею его падения». Но мы наблюдаем, что «...падение только мнимое, потому что сущность языка, связанная с ним мысль растет и преуспевает» [16. С. 23]. А если ныне существующий язык не деградировал, то это положение опровергает идею совершенства Бога: «Если же язык, которым говорит человек, бывший еще только сосудом высших влияний, в чем-нибудь несовершеннее языка людей, которым дана свобода заблуждаться согласно с их природою, то роль, предоставляемая Божеству в создании языка, бледна в сравнении с участием человека, что не может быть соглашено с чистотою религиозных верований» [16. С. 23]. Таким образом, метафора божественного происхождения языка опровергает сама себя, являясь внутренне противоречивой.

В теории бессознательного происхождения языка метафора «язык – живой организм» или «язык — орган мысли» рассматривается по аналогии со структурой «легкие – орган дыхания», что приводит к той же ситуации – если мысль рассматривать по аналогии с воздухом, то закономерно встает вопрос: где находится мысль до языка? Кроме того, рассматривая асимметрию формальной и содержательной сторон языка как соотношение «мысль – слово» и «функция – орган», автор говорит о естественном, вытекающем из логики этих соотношений следствии: если органы, выполняющие одинаковые функции, устроены у людей одинаковым образом, то и языки, реализующие одинаковые виды мысли, должны быть формально тождественными, чего в действительности не существует.

Таким образом, выстраивание аргументации, направленной на отказ от определенной парадигмальной метафорической модели, основывается на ее развитии и актуализации незадействованных в первоначальном употреблении смыслов. Данное свойство – эвристичность метафорической модели,

заключающаяся, с одной стороны, в вариативности ее интерпретаций, с другой – в регулятивности, способности направлять интерпретации по заданному пути посредством выборочной актуализации смыслов, отмечает З.И. Резанова, рассматривая некоторые парадигмальные модели лингвистического дискурса [6].

Как можно убедиться, использование метафорической модели как маркера дискурсивной практики, включенной в текст, вполне закономерно и в научном дискурсе. Более того, исходная метафорическая модель в зависимости от авторской интенции, от дискурсивной практики, избираемой автором, может служить как для представления модели объекта описания, так и для выявления ее внутренней противоречивости за счет опоры на другие смысловые компоненты области-источника метафорической номинации.

### Литература

1. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М.: КомКнига, 2006.
2. Плисецкая А.Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности: Текст доклада на конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике», 1–7 сентября 2003 г., Варна. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://virtualcoglab.cs.msu.ru/html/Plisetskaya.html>
3. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 7–34.
4. Седов А.Е. Метафоры в генетике // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70, № 6. С. 526–534.
5. Задворная Е.Г. Эпистемика научного дискурса в культурной ситуации постмодерна. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/zadvornaja.htm>
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Резанова З.И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
8. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послел. Н.Л. Сухачева. СПб., 2000. 204 с.
9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет: Пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.
11. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990.
12. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
13. Филиппе Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 336 с.
14. Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58, № 4. С. 28–38.
15. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 2004. Т. 63, № 1. С. 33–43.
16. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.